Садагат Мамедгусейн Алиева

О ФЕНОМЕНЕ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ В ФИЛОСОФСКОМ МЫШЛЕНИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ГЕРМЕНЕВТИКА И ТОЛКОВАНИЕ

Интерпретация, герменевтика и толкование исследованы в контексте проблемы художественности в структуре философской мысли. Обращается внимание на отличие герменевтики, комментария от философской герменевтики. Акцентируются особенности восточного и западного подходов к герменевтике, проводится грань между интерпретацией и толкованием, экзегезой, а также их связь с философской герменевтикой, обосновывается построение текста на платформе «осознания». Автор рассматривает роль художественности в появлении толкования, экзегезы и философской герменевтики и приходит к выводу, что философская герменевтика носит художественное содержание, также как и лексическое толкование, экзегеза и лирическая интерпретация. Но феномен художественности проявляет себя в этих отличных друг от друга отраслях в разных формах.

Ключевые слова: интерпретация, герменевтика, осознание, текст, художественность, экзегеза, толкование

Толкование, комментарии и экзегеза играют важную роль в семантическом объяснении текстов. Философская же герменевтика не состоит из простого объяснения текста, его лексического значения, а представляет собой особую форму связи с онтологическим содержанием текста. В философской герменевтике за основу берется каузальная связь между внутренней и внешней формами. В толковании, экзегезе, герменевтике феномен художественности имеет семантическое содержание, а в философской герменевтике и интерпретации феномен художественности предстает как модель научно-философского мышления.

Если лексическое толкование какого-либо текста либо простая его трактовка есть философская герменевтика, и все интерпретации считаются комментариями, объяснениями и толкованиями, то из этого следует, что интерпретация, толкование и герменевтика — одно и то же. Иными словами, если тот или иной текст истолкован, то это значит, что он уже интерпретирован или к данному тексту уже существует герменевтический подход.

Подобно тому, как интерпретация в переводе с латинского «interpretatio» означает истолкование, разъяснение, точно так же слово «герменевтика», происходящее от греческого ἑρμηνεία (hermeneia), имеет значение истолкования, объяснения или изложения. Слова «интерпретация», «трактовка» и «герменевтика» иногда употребляются в узком смысле как синонимы, причем в их генезисе можно даже обнаружить «интуитивный базис». Но ставить знак абсолютного равенства между ними нельзя. Ж.Ренар не признавал даже синонимы в качестве равноправных, говоря, что «синонимов не существует, есть только точное слово, и хороший писатель их знает» [1, с. 37].

Согласно первоначальной этимологии, слова «интерпретация», «описание» и «герменевтика» имели одно и то же содержание, но с течением времени смысл, который они носили, менялся. Первоначальный смысл этих слов исторически подвергался деформациям, в соответствии с ситуацией, обретая новое содержание.

Понятия «интерпретация», «повествование» и «герменевтика» имеют конкретное отношение к тексту. Наша цель, фактически, заключается в том, чтобы объяснить интерпретацию в западном и восточном контекстах лишь как творческий акт. Анализ должен был соответствовать отчасти западной герменевтике, отчасти восточному описанию. Но исследование интерпретации в плане языка, философии, литературы и текстологии привело к неожиданным результатам. Современная научная мысль относит интерпретацию научного и художественного текста, религиозное повествование называемое экзегетикой, интерпретацию философского текста, мифологику и философскую герменевтику к разным сферам науки.

Философская герменевтика исследовалась у нас как история возникновения описания, на основе чего в восточном и западном контекстах делались герменевтические экскурсы. История восточной поэтики объяснялась наряду с историей описания и в контексте с ней. Верховенство философской герменевтики как толкования над лексическим разбором в грамматических рамках текста есть попытка отделить язык от мышления.

Иными словами, использовать возможности герменевтики только лишь для лексического объяснения текста означает философскую герменевтику вне сущности бытия. Выводя текст за рамки строения языка, текущего и рабочего механизма сознания и связывая его с онтологическим содержанием бытия, С.Халилов пишет: «Явления природы приобретают смысл только в акте понимания» [2, с. 36].

По мнению представителей новгородской философской школы, профессоров Сергея Маленко и Андрея Некиты, в философской мысли «проблема интерпретации, особенно с начала XX века, была очень актуальна. Появление герменевтики, феноменологии, психоанализа позволило более корректно проводить исследование любого текста и связанных с ним «жизненных пространств», более или менее чётко разграничивать смысловые поля в интерпретации» [3, с. 60].

В творчестве У.Эко интерпретация представлена как особый феномен. Почти все его академические труды состоят из интерпретации конкретных авторов. К.Леви-Стресс, Ж.Лакан, Ч.Пирс, Ф. де Соссюр,

М.Хайдеггер — все они «живые» интерпретанты У.Эко. В этих интерпретациях намечается концентрический круг, простирающийся от средневековой до Канта и доходящий до современной герменевтической мысли. Но художественное воображение У.Эко опирается на художественный центон, оказывающий в метафорическом образе «утконоса», как и в «Риторике Миммона» [4, с. 50], одинаково реальное воздействие. Интерпретациям У.Эко глубокий философский смысл придает не хронологическая сущность художественного воображения, а моменты коммуникативной связи. Причем У.Эко показывает, как в каждом новом произведении автор «умирает», и власть переходит в руки читателя.

Интерпретация есть заново родившееся в соответствии с уровнем читателя произведение искусства. Это произведение, переживающее свое второе рождение, зависит от способности читателя направлять его. У.Эко не признает и гиперинтерпретацию. Интерпретация для него есть всего лишь обмен мнениями между автором и читателем, особая форма морально-духовной связи. У.Эко в работе «Отсутствующая структура» и К.Леви-Стросс в «Структурной антропологии» в дискуссии об особенностях «структурного мышления» и «устойчивого мышления», по-разному объясняют детали конкретного и абстрактного отношения к тексту.

С другой стороны, любая интерпретация несет в себе опасность отчуждения, формализации и дискредитации того или иного интерпретируемого явления. Стоит поддержать мысль профессора Андрея Некиты о том, что «даже гуманитарные науки настолько преуспели в абстрактных разговорах о сущности личности и ее высоком предназначении, что сам реальный человек оказался полностью в них утопленным. В рамках любого научного определения индивид — не более, чем единица, которая, бесконечно повторяясь, может быть произвольно отмечена безликим знаком. А ведь на самом-то деле единственно достойным, уникальным в своем роде объектом понимания и изучения является именно единичная человеческая личность, находящаяся вне закономерностей и правил» [5, с. 33].

Все структуры мышления У.Эко считает «открытыми структурами», находя в каждом акте мышления онтологическую сущность коммуникативной связи. Поскольку закрытость структуры не оставляет возможности для творчества, У.Эко ее не признает. В каждой интерпретации логико-психологическое конструирование происходит заново, конкретная область мысли продолжает реализовывать себя в абстрактном мышлении. Интерпретация, с одной стороны, основывается на общем онтологическом содержании текста, с другой, — опирается на внутренние и внешние коммуникативные связи текста. Пра-код (или, как говорит У.Эко, «мета-код») в интерпретации вновь оживляется.

Иными словами, текст возникает на основе первоначальной символики. Пра-код при этом, как говорит Р.Барт, играет роль «канвы». Иконические знаки, относимые ко всем образцам искусства, входят в антропологическое содержание текста, а в качестве связующей формы выступает коммуникативная связь. Все «бесструктурные модели» У.Эко имеют эпистемологическое содержание и придают интерпретированным мыслям автора философскую сущность. По мнению Ж.Лакана, в интерпретации творческий процесс проходит три стадии — реальную (*le réel*), воображаемую (*l'imaginaire*) и символическую (*le symbolique*). В интерпретации творческое мышление превращает абстрактную единицу денотат в идеальную единицу десигнат.

Генотекстуальное поле текста представляет собой конкретное поле текста. Оно пытается сохранить свое статическое содержание. Абстрактное поле текста динамично, всегда открыто для интерпретации. В интерпретации меняется лишь рабочее, функционирующее феноменотекстуальное поле текста. Для всех творческих интерпретаций имеются определенные границы. В том или ином процессе интерпретации один и тот же текст каждый раз может создавать разное феноменотекстуальное содержание. В любом случае феноменотекстуальное поле текста сохраняет духовную преемственность.

Между искусством понимания, постижения и выражением понимания имеется большое отличие. Понимание, познание можно включить в исследование только как «знание о знании». Причем понимание есть понимание в онтологическом смысле, на фоне отношений человек-мир. В отличие от грамматического толкования, о котором говорил Ф.Д.Шлейермахер в работе «Наукоучение», в психологическом толковании язык есть средство. Основой выступает содержание текста, которое является выразителем внутреннего мира, среды автора. В грамматическом толковании мы видим язык или текст в языковой области, на близком к автору и читателю расстоянии, тогда как в психологическом толковании в центре внимания оказывается жизнь самого автора и его индивидуальный стиль.

Идеи Г.Фихте и Ф.Д.Шлейермахера относительно грамматического и психологического толкования позволяют лучше понять психологию понимания В.Дильтея. В.Дильтей придавал большое значение форме выражения мысли. Некоторые исследователи анализировали герменевтику только как метод понимания искусства. Однако и эти герменевты по сути не могли выйти за пределы рамок, определенных Ф.Д.Шлейермахером для понимания. Поэтому герменевтика была признана в качестве философского метода анализа текста и философского направления творчества. Ф.Д.Шлейермахер считается и основоположником современной филологической герменевтики, поскольку его герменевтическое учение формулирует универсальный принцип научной интерпретации какого-либо текста. В герменевтическом кругу охватываются обе стороны толкования — грамматическая и психологическая. Подлинное толкование возможно во взаимосвязи двух этих сторон. После Ф.Д.Шлейермахера новые направления герменевтики определили Х.Г.Гадамер и П.Рикер.

Начиная с XIX века, текстоведение, интерпретация вступили в новую фазу, начав формироваться как метод творчества. Интерес к этимологии слова, истории и языку народов был обусловлен требованиями

времени. По мере развития общества вместе с письменной литературой возникли объемные интерпретации, и предпочтение было отдано нарративному мышлению. Системный подход развил толкование до уровня философской герменевтики.

Также в самой философской герменевтике язык — первый фактор. Несмотря на то, что грамматические толкования обладают точным и глубоким содержанием, они не могут развивать язык до критериев мышления.

В толковании язык действует в своих реальных рамках, в своем рабочем кругу. Философская герменевтика есть в то же время и возникновение философского языка, так как развитие языка есть и развитие мысли, и язык формируется в связи с общественным сознанием.

Л.Витгенштейн так объяснил связь философии с языком: «Цель философии — логическое прояснение мыслей. Мысль — есть осмысленное предложение» [6, с. 29]. В рассуждениях Л.Витгенштейна философская логика превращает факт в событие, придавая ему научное содержание, подобно тому, как в философской герменевтике связь литературы с философией устанавливается в новом научно-логическом контексте.

В XIX веке исследования основоположника семантической интерпретации В.Гумбольдта объединили семантическую этимологию и языковедение. Возникла новая область науки. По сути, это было попыткой вывести сущность толкования за рамки языка. Для того чтобы определить место языка в философской герменевтике, В.Гумбольдт создал научную систему интерпретации текста, объяснив механизм перехода лексического содержания слова в осмысление.

В процессе выработки слова двойная интерпретация превращает атомарное время в пространство, и это повторение создает новые оттенки мысли. Таков простейший механизм превращения языка, слова в мысль и наоборот. Если в двойной интерпретации атомарное время не может обрести пространство, мысль остается в «прошлом» пространстве, мечется, и, будучи невыраженной, «отбрасывается» из сознания, мышления.

Возникновение интерпретации связано с духовно-психологической рефлексией как более высоким видом семантической рефлексии. Например, возникновение оперы У.Гаджибекова «Лейли и Меджнун» связано с постановкой небольшого одноактного произведения А.Ахвердиева. Это произведение вызвало у У.Гаджибекова чувственную интерпретацию, на основании чего на Востоке возникла первая опера. Здесь важную роль сыграли и чувственная «рефлексия», и чувственная интерпретация, и «вчувствование» — эмпатия В.Дильтея, который трактовал этот акт как психологическую и ментальную интерпретацию.

Интерпретации связаны не только с философским мышлением, литературно-художественной мыслью; они имеют место и в языкознании, живописи, архитектуре, музыке и других областях. Научные интерпретации на протяжении десятилетий являлись причиной новых открытий в различных сферах науки. Ч.Пирс связывал интерпретации с возникновением иконических знаков. Произведения искусства, художественные тексты он объяснял законами мышления, рассматривая каждое интерпретированное произведение как носителя новой идеи: «Я определяю Икону как знак, обусловленный своим динамическим объектом в силу его собственной внутренней природы. Таков любой квалисайн, например, видение, или чувство, возбужденное музыкальной композицией, которое, по общему мнению, представляет то, что стремился передать композитор» [7, с. 336].

Культурософия К.Г.Юнга также внесла значительный вклад в понимание природу мышления, языка и интерпретации. Так уже упоминавшийся профессор С.Маленко обоснованно утверждает, что личность, «не овладевшая сложной системой самоидентификации, не может рассчитывать даже на поверхностный анализ собственных проекций. Субъекту крайне необходимо приблизиться к возможности распределения тех содержаний, которыми он наделял объекты окружающего мира и мир в целом. Вначале следует осмыслить незначительные проекции, затем — те, которые поднимают из глубин бессознательного архетипические ценности. В процессе освобождения из-под власти проекций индивид может столкнуться с ситуацией, когда его «Я» окажется под угрозой растворения в содержаниях коллективного бессознательного» [8, с. 22].

В интерпретации музыки господствует не семантическая интерпретация, о которой говорил В.Гумбольдт, а звуковая интерпретация. Разумеется, звуковая интерпретация также реализуется в связи с формами общественного сознания. Каждая музыкальная идея исходит из эстетических принципов, идейных основ своего времени, личных чувств и ощущений автора. Например, интерпретация музыкальных произведений до начала XIX века была связана только лишь с исполнением автором своего произведения.

Различие между написанием и исполнением произведения не могло считаться недостатком. Ныне же исполнение музыкальных произведений, новые интерпретации не носят устного характера. Исполнение произведения зависит от нот и образа мышления исполнителя, музыканта. Музыкальные интерпретации превратились в новый и самостоятельный вид искусства. Так, К.Шуман, Ф.Лист, А.Г.Рубинштейн, С.В.Рахманинов вошли в историю как великие интерпретаторы музыки. Есть произведения, связанные с музыкальными интерпретациями у Г.М.Когана, Г.Г.Нейгауза, С.Е.Фейнберга и др. [9, с. 214].

Итак, толкование, комментарии и экзегеза играют важную роль в семантическом объяснении текста. Но философская герменевтика не состоит из простого объяснения текста, его лексического значения, а представляет собой особую форму связи с онтологическим содержанием текста. В философской герменевтике за основу берется каузальная связь между внутренней и внешней формами. В то же время, в толковании, экзегезе, герменевтике феномен художественности имеет семантическое содержание, а в философской герменевтике и интерпретации феномен художественности предстает как модель научно-философского мышления.

1. Ренар Жюль. Дневник. Избранные страницы. Баку: Гянджлик, 1974. 72 с.
2. Халилов С.С. Общий взгляд на мышление в современном мире // Философия и социально-политические науки: научно-теоретический журнал. 2009. № 36/2. С.137-150.
3. Маленко С.А. Археология Самости: архетипические образы осуществления Человеческого и формы его социального оборотничества: Монография. Великий Новгород, 2008. 298 с.
4. Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб.: Симпозиум, 2005. 158 с.
5. Некита А.Г. Институциональные формы отрицания мифического опыта освоения архетипа // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки: философия, культурология. 2003. № 24. С.30-36.
6. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. И.С.Добронравова и Д.Г.Лахути; Общ. ред. и предисл. В.Ф.Асмуса. М.: Наука, 1958 (2009). 133 с.
7. Пирс Ч. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 412 с.
8. Маленко С.А. Проблема осуществления архетипа в мифе // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки: философия, культурология. 2003. № 24. С.20-25.
9. Егоров Б.Ф. Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана. М.: Новое лит. обозрение, 1999. 384 с.

References

1. Renard J. Journal de Jules Renard: 1887-1910. Bibliothèque de la Pléiade, Paris, 1965 (Russ. ed.: Renar Zhiul'. Dnevnik. Izbrannye stranitsy. Baku, "Giandzhlik" Publ., 1974. 72 p.).
2. Khalilov S.S. Obshchii vzgliad na myshlenie v sovremennom mire [Concept of thinking in today's context]. Filosofiia i sotsial'no-politicheskie nauki: nauchno-teoreticheskii zhurnal, 2009, no. 36/2, pp. 137-150.
3. Malenko S.A. Arkheologiya Samosti: arkhetipicheskie obrazy osushchestvleniya Chelovecheskogo i formy ego sotsial'nogo oborotnichestva [Archaeology of Selfhood: archetypical images of Humanity and its social shapeshifting]. Veliki Novgorod, 2008. 298 p.
4. . Eco U. Cinque scritti morali. Milano, Bompiani, 1997. 128 p. (Russ. ed.: Eko U. Piat' esse na temu etiki. Saint Petersburg, "Simposium" Publ., 2005. 158 p.).
5. Nekita A.G. InstitutSIONAL'nye formy otritsaniia mificheskogo opyta osvoeniia arkhetipa [The institutional forms of negation of mythic experience of mastering archetype]. Vestnik NovGU. Ser. Gumanitarnye nauki: filosofiia, kul'turologiia — Vestnik NovSU. Issue: Humanities: Philosophy, Culturology, 2003, no. 24, pp. 30-36.
6. Wittgenstein L. Logisch-Philosophische Abhandlung. Annalen der Naturphilosophie. 1921. 75 p. (Russ. ed.: Vitgenshtein L. Logiko-filosofskii traktat. Moscow, "Nauka" Publ., 1958, 2009. 133 p.).
7. Peirce C.S. Collected Papers. Vol. 1-8. Cambridge, Harvard University Press, 1965-1967. (Russ. ed.: Pirs Ch. Izbrannye filosofskie proizvedeniia. Moscow, "Logos" Publ., 2000. 412 p.).
8. Malenko S.A. Problema osushchestvleniya arkhetipa v mife [The problem of realization of archetype in myth]. Vestnik NovGU. Ser. Gumanitarnye nauki: filosofiia, kul'turologiia — Vestnik NovSU. Issue: Humanities: Philosophy, Culturology, 2003, no. 24, pp. 20-25.
9. Egorov B.F. Zhizn' i tvorchestvo Iu.M. Lotmana [Life and work of Yu.M. Lotman]. Moscow, "Novoe literaturnoe obozrenie" Publ., 1999. 384 p.

Alieva S.M. On the phenomenon of artistry in the structure of philosophical thought: interpretation, hermeneutics, and expounding. In this article, the interpretation, hermeneutics, and expounding is investigated in the context of artistry in the structure of philosophical thought. Attention is drawn to the difference between hermeneutics and commentary and philosophical hermeneutics. The study focuses on the specifics of Eastern and Western approaches to hermeneutics, a distinction between interpretation and expounding, exegesis, and their relationship to philosophical hermeneutics. It also explains the construction of the text on the platform of "awareness". The author considers the role of artistry in the rise of interpretation, exegesis, and philosophical hermeneutics and comes to the conclusion that philosophical hermeneutics, as well as lexical interpretation, exegesis, and lyrical interpretation, has an artistic content. But the phenomenon of artistry manifests itself in different forms in these various areas.

Keywords: interpretation, hermeneutics, comprehension, text, art, exegesis, expounding.

Сведения об авторе. Садагат Мамедгусейн Алиева — доктор философии, доцент кафедры общественных наук университета «Азербайджан» (Баку, Азербайджанская Республика); azzizon@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 29.10.2017.